Бурляев Николай 19.05.04

Россія. – 2004 – 13–19 мая. – с 21

Николай Бурляев: «Русские люди в своем соку не варятся»

Беседовала Василиса Пьявко

У Николая Бурляева особое место в нашем кинематографе: он пришел в профессию, еще будучи на школьной скамье, 13-летним подростком. Его первые роли в фильмах Тарковского повлияли на всю дальнейшую судьбу: разве мог Бориска из «Андрея Рублева» превратиться в довольного собой и своим обедом бюргера? Не мог. Он вырос в большого артиста, снялся в 50 фильмах, стал кинорежиссером. Этого ему показалось мало: последнее время Николай Петрович посвящает себя общественной и даже просветительской деятельности. Его любимое детище – МКФ «Золотой Витязь» – уже в 13-й раз будет проходить с 22 по 31 мая в Иркутске. Бурляева называют «настоящим русским интеллигентом», уважают и любят, несмотря на некоторую «корчагинскую» прямоту и строгость. Мы встретились с Николаем Петровичем на студии «Отечество», которой он руководит, по поводу недавней премьеры фильма «Любовь и правда Федора Тютчева»...

– После 10-летнего перерыва в кино недавно вы сыграли роль Тютчева...

– Да, я не был на экране 10 лет после фильма «Мастер и Маргарита», после образа Иешуа Га-Ноцри. Отказывался от всех предложений. А в прошлом году Наталья Бондарчук предложила мне поставить фильм о Тютчеве. Фильм о Лермонтове я делал 6 лет, а тут надо было успеть за 2 месяца, к 200-летию. Я отказался быть автором и режиссером этой затеи, тогда мне был задан вопрос: а играть будешь? Я ответил – да. И так, чисто авантюрно, появился этот фильм.

– Авантюрно?

– В Министерстве культуры ни копейки не дали на фильм, хотя год был юбилейный. Но мы все-таки ринулись в бой. Главное – ввязаться. Глаза боятся, а руки делают. И мир не без добрых людей. Губернатор Брянской области Юрий Евгеньевич Лодкин оплатил приезд всей группы в Брянск, в имение Тютчева Овстуг, питание, гостиницу, транспорт. Думаю, что Наталья Бондарчук пошла на это потому, что у нее была камера и практически вся группа, с которой она уже не первый год делает фильм о Пушкине. Были костюмы той эпохи. И мы решились.

– Наталья Бондарчук тоже играет в фильме?

– Да. Там три женские роли избранниц Тютчева. Первая его жена Элеонора, которую играет Инга Шатова, Эрнестину играет Наталья Бондарчук, и Елену Денисьеву – Ирина Безрукова. Кроме того, я считаю, в фильме блистательно сыграла роль дочери Тютчева Анна Михалкова. То, что она сделала там, я считаю актерской удачей.

– Говорят, фильм снимался ударными темпами?

– За пять дней в Овстуге были отсняты три серии телевизионного фильма! Я никогда в жизни так не работал. Снимали подряд кадр за кадром, какой фильм получится, не знали. Думали – документальный, а получился художественно-документальный. Близкий по стилю к тому, что когда-то делали итальянцы о Леонардо да Винчи – там и ведущий из наших дней, и погружение в жизнь того времени. Пять дней, солнечная погода, осень. В ритме боевом. И вот последний кадр в 22 часа того дня, когда мы должны уезжать. За окнами темно, мы в кабинете Тютчева, я играю последнюю сцену – умирания. Мне показывают, что до поезда остался час, а еще надо доехать до Брянска, забрать вещи из отеля. Опаздываем! Как тут играть? Но как-то умудрил Господь, и когда я произнес последние слова в жизни Тютчева: «Я исчезаю, я исчезаю, исчезаю...» – и закрыл глаза, за окнами раздался настоящий гром. Вся пышная осень окончилась в этот миг, все облетело, был ураган. Мы просто не могли бы продолжать работу на следующий день!

– Музыку к фильму написал ваш старший сын Иван...

– Он у меня пианист, композитор. Считаю, у него очень большое будущее. Мне жаль, что он бросил рояль. На третьем курсе консерватории он взялся за композицию. Недавно мы с ним ехали на машине, он поставил музыку. Я послушал – красивая русская музыка, оркестр. Теряясь в догадках, спрашиваю Ваню: «Это Рахманинов?» – «Нет, это я». Он написал музыку для фильма о Пушкине, стал автором всей музыки к Тютчеву. Кроме того, все, что у нас есть на «Золотом Витязе» – марш, позывные, увертюра, реквием, – тоже его.

– Вы уже много лет подряд проводите кинофорум «Золотой Витязь». Это фестиваль православных для православных?

– В мире есть около тысячи разных кинофестивалей. Когда мне дали перечень, я увидел, что есть 20 кинофестивалей для голубых, 30 – для розовых. Но до 92-го года не было ни одного всеславянского кинофорума. И вот он появился. Как попытка собрать все здоровые силы русского, украинского, белорусского, польского, сербского, греческого и т.д. православного кинематографа. Но чем дальше мы развивались, тем двери наши открывались все шире, у нас было около 40 стран-участниц. Последние годы к нам ездит Китай, Япония, Индия, Монголия, Иран, Америка. Но при том, что вроде бы двери все шире и шире, они у нас все равно узкие: туда может войти лишь тот, кто соответствует нашему девизу «За нравственные и христианские идеалы. За возвышение души человека». Вот эта вторая фраза позволила нам привлечь и Китай, и Японию, и Иран, поскольку мы отобрали фильмы, возвышающие душу человека.

– А как же вероисповедание?

– Было время, когда коллеги мои, товарищи мои, тихо упрекали меня за это. «Что же мы? Мы же все-таки православный форум...» И я тогда привел фразу Ивана Александровича Ильина. Цитирую неточно, но суть такова – каждый художник в творчестве ищет совершенство, и этот поиск приводит его к престолу Господню. Поэтому каждый художник делает религиозное дело независимо от того, к какой конфессии он принадлежит, и даже от того, что сам он об этом думает. Истинный художник возносится душой к таким пределам, где живет Истина. Он хочет ее познать. А Истина одна над всеми, как солнце.

– Как вы оцениваете успехи форума за 12 лет его существования?

– Мировая режиссура стала делать фильмы для нас. Очень часто люди в разных странах говорили мне, что они работают не для Канн, не для «Оскара», а для «Золотого Витязя». У нас участвовали самые крупные имена мирового кинематографа – Никита Михалков, Анджей Вайда, Кшиштофф Занусси, Тео Ангелопулос, Горан Паскалевич, Эмир Кустурица, Юрий Ильенко (Украина), Ян Кольский (Польша). То есть самые-самые лучшие. Хотя за именами мы не гонимся, мы идем за сутью, за качеством.

– В прошлом году впервые состоялся театральный «Золотой Витязь»...

– Пришло время Витязю, воину за душу человека, выходить на поединок и на театральные подмостки. Чтобы не перетягивали так сильно пошлость, патология, голубизна и т.д. Я очень часто вспоминаю отрывок из Евангелия: «Невозможно не прийти в мир соблазнам. Они должны прийти. Но горе тому человеку, через которого соблазн приходит». Очень точно сказано.

– Вы довольны тем, как прошел фестиваль?

– Мы обратились в Минкульт с просьбой о государственной поддержке нашего форума. И получили... 300 тысяч рублей. На эти «деньги» я мог бы привезти в Москву только 1 (!) театральный коллектив. Но форум получился. Опять-таки мир не без добрых русских людей, которые понимают, что такое жизнь духа на театральной сцене и что нужно напоминать публике о традициях великого русского реалистического театра. О словах Щепкина, который говорил: «Театр – это храм». Мы приняли 32 театра. И почти каждый вечер в театре на Таганке, где проходил форум, кончался тем, что зал поднимался и овация длилась очень долго.

– Ваше самое яркое впечатление...

– Прежде всего те, кто получил главные награды. «Золотым Витязем» было отмечено болгарское действо на стыке акробатики, балета и фольклора «Орисия» («Возрождение». – **Ред.**), поставленное выдающейся спортсменкой, в прошлом олимпийской чемпионкой Нешкой Робевой. «Серебряного Витязя» получил Андрей Денников из театра Образцова, который блеснул с авторским спектаклем «Есенин: исповедь хулигана». Это уникальный молодой артист, режиссер, ему 25 лет. В своем спектакле он играет Есенина и водит кукол – Ленина, Троцкого, Дункан. «Бронзовый Витязь» достался спектаклю Театра им. Ермоловой «Железная воля» по Лескову. Там три актера равноправно и великолепно играют удивительную притчу Лескова о жизни немца в России. Просто замечательно! А я-то думал, что уже отдалился от театра навсегда.

– А в юности вы играли в театре!

– В 1961 году я пришел в Театр Моссовета, играл у Завадского. 150 раз выходил на сцену с последним романтиком театра, великим Николаем Дмитриевичем Мордвиновым! Меня пригласили туда после фильма «Мальчик и голубь». Им понадобился мальчик в пьесу Штока «Ленинградский проспект». И вот на 4 года я стал артистом театра. Потом ушел. Хотя очень любил театр. Помню, как играл Робина, пажа Фальстафа, в спектакле «Виндзорские насмешницы». 4 часа бегать по сцене, по залу, импровизировать, петь под оркестр – ну это просто счастье. Помню, что, оканчивая действие, я даже чуть не плакал. 4 часа живешь этим, ты – паж Робин! Потом сядешь перед зеркалом в гримерной, и ты – Коля Бурляев, маленький, неинтересный сам себе человечек. Тогда я был сам себе неинтересен. Нужно идти в эту жизнь скучную, в школу...

– Почему сцена не стала вашим призванием?

– У меня с детства было ощущение другой дороги, я не хотел, как многие артисты, отдать всю жизнь сцене и умереть на подмостках. Чувствовал, что должен быть кинорежиссером. Я задумал это на первой роли у Андрея Кончаловского, глядя на то, как он замечательно работает.

– Значит, профессия актера для вас менее привлекательна?

– Она вторична. Актера используют. Часто он идет туда, куда поманят. Актерская профессия очень похожа на первую древнейшую. А сейчас, когда кино «поднимается», когда в нем можно заработать деньги, тем более... Я потерял вкус к актерскому творчеству лет в 40, после «Военно-полевого романа», потом были роли Лермонтова и Иешуа, в которых я полностью «выложился». Но вкус к актерству пропал. И сейчас согласился сыграть Тютчева потому, что это больше гражданский поступок, чем творческий.

– Как вы попали в кино?

– В 8 лет я первый раз был на «Мосфильме» и пробовался перед кинокамерой на роль в фильме «На графских развалинах», но не был тогда утвержден. Потом прошли годы, и в 1959 году на улице Горького, когда я шел из школы домой, мне преградил дорогу Андрей Кончаловский. Он мой крестный отец в кино: в том же году, в 13 лет, я снялся в его дипломном фильме «Мальчик и голубь». Потом было «Иваново детство»: Андрон передал меня из рук в руки Андрею Тарковскому, тот бережно принял. И с ним мы сделали два великих фильма.

– Что вы чувствуете, когда смотрите «Иваново детство» сегодня?

– В разные годы я по-разному относился к этой роли. Когда этот фильм был создан, я был неудовлетворен тем, как играю. Мне даже было стыдно. Но прошли годы, и сейчас я удивляюсь, как этот мальчик мог так играть. Удивляюсь тому, что этот мальчик уже в те годы был артистом-профессионалом, с самоотдачей, с погружением в образ. Удивляюсь, и естественно, когда мне уже 57, вижу, как «жизнь проходит».

– Участие в картине «Андрей Рублев» было для вас первым прикосновением к православию?

– Я был крещен в детстве. И мама, и бабушка – православные люди – приводили меня в храм, хотя я особенно туда не рвался – был пионером. Но помню и атмосферу, и первые детские ощущения. После «Рублева» начался уже осознанный выход на дорогу к Храму. Тарковский был первым, кто повесил мне на грудь реквизитный оловянный крестик. Я очень долго жил с этим крестом и после фильма, в обычной жизни. Потом он пропал, оборвался с тесемочки. Но вскоре у меня уже появился первый золотой крест, который я получил из рук настоятеля Псково-Печерского монастыря, архимандрита Алипия. Это был мой первый друг и наставник, первое духовное лицо, с которым я дружил и который потихонечку, не навязывая ничего, просто рассказывал мне что-то. Прошло уже почти 40 лет, но сейчас я считаю, что делаю только первые шаги на узком пути к тесным вратам спасения.

– Вы не жалеете о том, что сыграли Иешуа в «Мастере и Маргарите»?

– Не могу назвать это чувство жалостью, оно противоречиво. Иногда я счастлив внутри, что это было. Потому что Иешуа – лучшее из того, что создано мною на экране. Но чаще приходят иные мысли – что я не должен был этого делать. Сейчас бы я этого делать не стал.

– Как вы относитесь к тому, что Церковь отделена от государства?

– Как к несчастью. Когда государство отделилось от Церкви, оно отделилось от православного народа. Когда был царь православный, народ православный, армия, культура православные – вот тогда и было процветание.

– Почему же произошла революция?

– Да ведь работает лукавый. Он подготовил этот взрыв руками нашей интеллигенции. Ни в одной другой стране ни одна интеллигенция не работала так против собственного народа, как это делала наша. Она искушала народ, привносила на русскую почву чужеродные идеи марксизма-ленинизма.

– Значит, для вас выражение «русский интеллигент» – ругательство?

– Есть два вида российской и русской интеллигенции – такие люди, как Валентин Григорьевич Распутин – это подлинный русский интеллигент. А есть и такие интеллигенты, которые требовали расстрела Белого дома в 1993 году, приятели мои, коллеги. Требовали «убить гадину в Белом доме», убить родные русские души. Вот два лагеря. Но для России это старо, это давняя болезнь.

– Вы открыто критикуете Министерство культуры...

– Бывший министр культуры передал кинематограф в частные руки. Это преступление. Продается все! Еще держится «Мосфильм» Карена Шахназарова, но указ-то принят! Это настоящая антикультурная политика. Надо поддерживать культуру, нужны госзаказы, не надо забывать, что после ядерной бомбы экран – самое сильное стратегическое оружие государства. Нам говорят, что надо поддерживать все. Да неправда! Поддерживать надо истину, правду, нравственность, патриотизм.

– Почему вы так давно сами не снимали кино?

– Я давно хочу сделать игровой фильм о Пушкине, но уже который год Минкульт отказывает мне в финансировании. А тех, кто лично хочет нам помочь, я привлекаю к тому, чтобы они поддерживали «Золотой Витязь», поскольку считаю это дело гораздо более важным, чем собственное творчество.

– Американские фильмы смотрите?

– У меня с детства аллергия на американский кинематограф. Такое отношение мне прививал Андрей Тарковский. Он просто в упор не видел американское кино, отмечал всего 6 режиссеров в мире – Антониони, Феллини, Бунюэль, Бергман, Куросава, Брессон. И не ходил на информационные просмотры, которые были доступны избранным. Теперь это смотрят все. Ну и что мы там видим? Чем дольше я живу, тем больше становлюсь патриотом русского кино. Недаром Феллини говорил Тарковскому, когда грянула перестройка и Горбачев дал приказ перестраивать кинематограф: «Что вы делаете? У вас учился мир, а вы пошли по нашему пути».

– Как бы не «свариться в собственном соку»...

– Русские люди никогда там не варились и не будут. Мы всегда брали все лучшее из того, что делается в мире, мы знаем, что такое Возрождение, что такое Леонардо да Винчи, итальянский и английский театр, мировой кинематограф. Прекрасно ответил один сербский драматург, когда его на Западе спросили, что такое Россия, ее культура по сравнению с Западом. Он привел такой пример. Возьмем XIX век, самую благополучную страну – Швейцарию, что они сделали за этот век, чем прославились? Шоколад и часы с кукушкой. А Россия? Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Толстой, Достоевский, Чайковский и т.д.

– «Русский человек» – это этническая принадлежность?

– Для меня «русский» – это православный. Любой может быть русским. И когда в Отечественную войну брали в плен русского, украинца, якута, татарина, то говорили: пленный «русский».

– Татары – мусульмане...

– Ислам и православие – как раз две самые близкие религии. Поэтому нас и сталкивают. «Голос Америки» еще много лет назад говорил: «Не дай Бог, если ислам и православие протянут друг другу руки. Тогда нам будет трудно». Поэтому нас всюду сталкивают, поэтому Косово, Чечня, Афганистан и так далее.

– Боитесь ли вы чего-нибудь? Терактов, например?

– Бояться надо Бога. От Него мы пришли, и к Нему мы уйдем. И когда нам прокрутят в последний миг «видеопленку» всех наших деяний, неправославных, гнусных, грязных, то мы ужаснемся этому, и это будет наш ад. У меня есть понимание того, что я предстану пред Господом. 25 лет от роду мне это было открыто, я уже «там» однажды был, поэтому у меня нет страха ухода из жизни. С тех пор каждый миг я готов предстать. Пусть это будет, естественно, попозже, но...

– Как это произошло?

– Это интимная вещь, я не буду об этом говорить. А теракты – плата за предательство народа нашими первыми лидерами – Горбачевым и Ельциным. Они развалили державу. А мы, наши дети и внуки будем еще очень долго пожинать эти плоды. В 1826 году Николай I встретился с Пушкиным в Кремле, и когда Пушкин начал что-то говорить о республике, демократии, самодержец ответил, что республика и демократия – это утопия, пригодная для государств устоявшихся. У нас же в России все до сих пор в движении, все «притирается». И что если бы он, царь, был обременен даже конституционной монархией, он бы не мог отрубить голову гидре, восставшей на Сенатской площади. Демократия – утопия! Потому что там, где правят все, там не правит никто, там, где все делают законы, там нет закона.

– То есть демократия – не для России?

– Нет. И никогда не будет. Есть соборность. Это другое. И монарх, ответственный перед Господом за все свои деяния и за страну.

– Откуда же его взять?

– Все по Промыслу Божию.

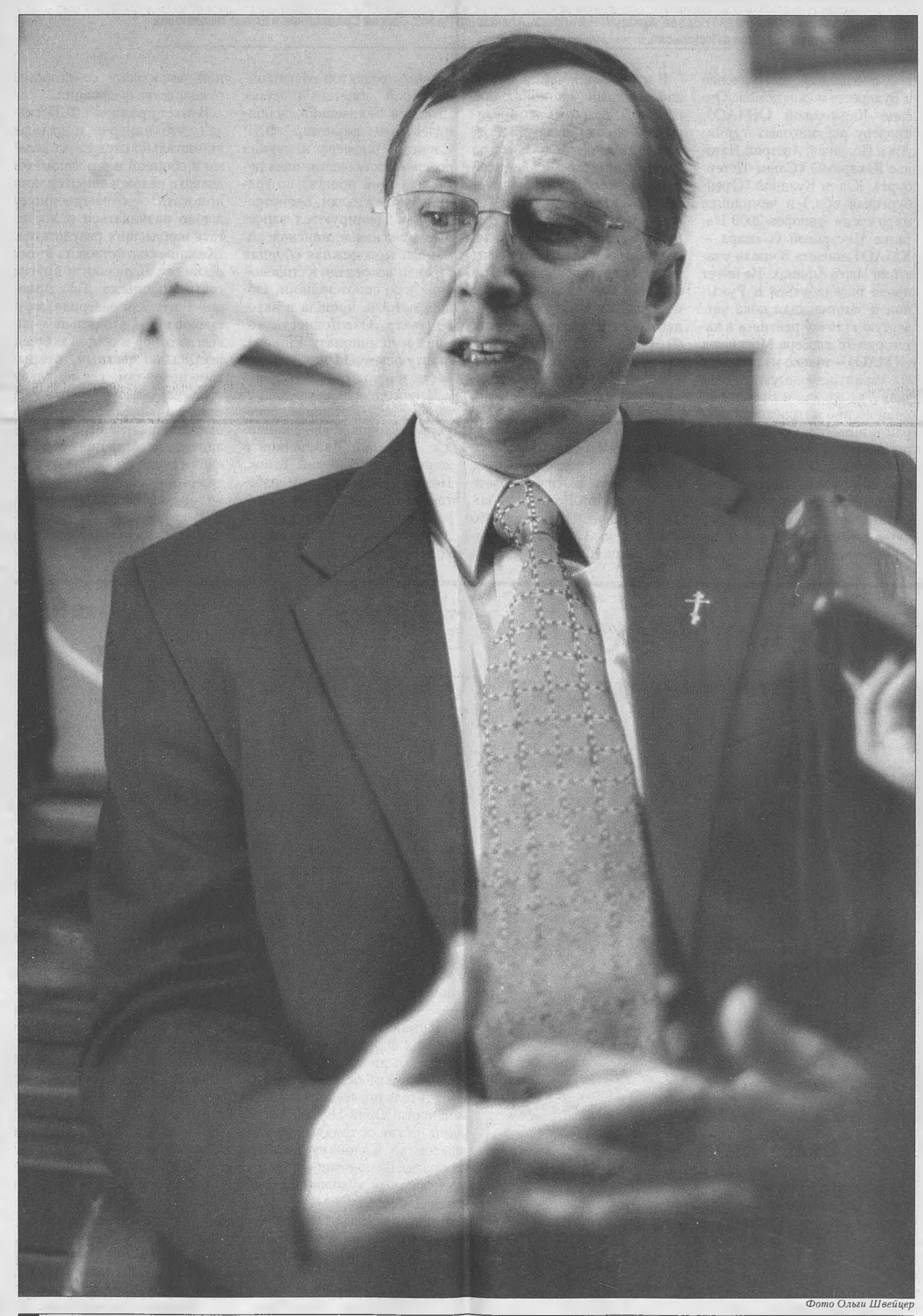

Фото Ольги Швейцер

Слова

Владимир Заманский,
народный артист России:

– Николай Петрович – человек, который обладает многими способностями. Иногда эти способности в своем значении доходят до дарования. Есть еще одно в его характере: он соединяет способности художника с немалыми делами практического свойства. Опять мне могут возразить, что сейчас таких людей, таких актеров, которые более или менее неплохо играют на сцене и очень хорошо руководят рестораном, что они открывают на какой-нибудь московской улице, вполне достаточно. Бурляев – человек другого порядка, его практическая деятельность несет в себе черты художника. Это явление довольно редкое, потому что когда дело касается практических вещей, связанных с деньгами, с общением с разного рода людьми иных кругов, порядков, намерений, чем те, которыми руководствуется сам Николай Петрович в своей жизни, то вот эта так называемая «художественная» жилка обычно пропадает. У Бурляева она не исчезает, как мне кажется.

Я многого не знаю в его жизни сейчас, не знаю многих нынешних движений его души, но если вспомнить хотя бы нашу давнишнюю поездку в Сербию, когда Сербия еще была более или менее похожа на свободную страну, и если вспомнить организацию «Золотого Витязя», то, думаю, даже этого будет достаточно, чтобы составить о Николае точное впечатление. Закончу вот чем – чего не хватает ему и еще многим, подобным ему, в своих способностях, желаниях, намерениях, вкусах. Мне кажется, не хватает Николаю Петровичу того, что я называю «разворотом». «Разворот» – это положение человека, когда складывается такая совокупность условий, которая дает ему возможность раскрыться до конца. В том смысле, что, очевидно, за Бурляевым еще стоит многое невысказанное. То, что, может быть, никогда и не будет высказано в силу определенных условий.